

УЖАС
АРКХЭМА

ЛИТАНИЯ
СНОВ

АРИ МАРМЕЛЛ

Москва
Мир Хобби
2023

ПРОЛОГ

Ароматы жизни, густые, приторные, обволакивающие, рука об руку танцевали со смрадом гниения и смерти.

Уилмотт Поласки понятия не имел, какие из этих запахов хуже.

Его родной стихией всегда были старые книги, пыльные полки, болтовня студентов и профессорские словопрения, но никак не густые заросли, из темноты которых его изучали блестящие глаза каких-то существ. Густые заросли, где роилась мошкара, а носки довольно быстро промокли и никак не могли высохнуть.

Сапоги, которые Поласки второпях купил для этого путешествия, оказались ему велики; пальто совершенно не грело. Комары, которым, по его разумению, в затянувшиеся зимние холода здесь быть не полагалось, вились густыми тучами над стоячей водой. Издали доносились крики птиц — во всяком случае, Поласки решил считать, что это птицы. Усталые ветви со свисающим мхом словно бы тянулись к нему — быть может, их влекло человеческое тепло: весна в этом году всё никак не наступала.

«Водятся ли в Хокомоке аллигаторы?»

Уилмотт полагал, что нет, и не мог припомнить, чтобы хоть когда-нибудь слышал о таких тварях в округе, однако с каждым

взглядом на зыбь на тёмной воде, плещущей о берег неприятно близко к краю дороги, уверенности в этом у него становилось всё меньше и меньше.

Профессору было не по себе в этой глуши, но, если повезёт, ему и не придётся здесь задерживаться.

Впрочем, за следующие двадцать минут ходьбы ничего похожего на аллигаторов так и не встретилось — да и вообще ничего опаснее комаров; зато — наконец-то! — впереди показалось селение, ради которого пришлось ехать поездом из самого Аркхэма.

Если, как Уилмотт отметил с некоторым пренебрежением, это место вообще можно было называть селением. Насколько профессор знал, у селения не было названия. Ни определённых границ, ни магазинов, ни центра, да и сами местные едва ли считали его населённым пунктом — так, просто кучка домов и мелких ферм на краю Хокомокского болота; его и посёлком можно было называть только потому, что несколько десятков семей, населявших эти ветхие халупы, более или менее регулярно общались друг с другом и больше почти что ни с кем.

Дома были старые, расхлябанные, кровли и стены тронуты гнилью, сваи, приподнимавшие жилища над топкой низиной, гнулись в стороны, как усталые стариковские ноги. Хотя Уилмотт и слышал прерывистые звуки работы — удары каким-то инструментом не то по дереву, не то по влажной земле, — ни одной живой души он так и не увидел.

Профессор нервно порылся в кармане пальто, лишний раз сверился со своими рукописными заметками и наспех набросанной схемой. Он ожидал, что местные будут встречать пришельца не слишком приветливо — Генри Армитедж и другие его коллеги по университету не раз рассказывали, как эти глухие деревеньки в массачусетской глубинке не любят

чужаков, — но оказалось, что его вообще никак не встречают, и это почему-то настораживало ещё больше.

Однако, судя по нарисованной вкривь и вкось карте, Уилмотт шёл именно туда, куда нужно. Он вздохнул, сунул бумаги в карман и продолжил путь.

Прямо перед ним темнела болотная вода — неглубокая впадина на дороге обратилась в лужу. Под ногами захлюпала грязь, угрожая сорвать слишком большие сапоги с натруженных ног. Уилмотт прикусил себе язык, чтобы не разразиться бранью. Будь проклята никчёмная аркхэмская полиция, будь проклят Честер и будь проклят он сам за то, что ввязался в дела этого юного обалдуя!

Профессор взглянул на небо, надеясь определить время суток — сколько времени осталось, чтобы закончить дело, которое он сам себе поручил, и вернуться до заката? Однако солнце спряталось за пологом веток туи и густыми тяжёлыми облаками и не говорило ровным счётом ничего. Уилмотту осталось только опять выругаться про себя и снова перевести взгляд на дорогу впереди...

А может, он уже и на месте? Вон тот дом, притулившийся там, где болото переходит в омут? Тот, с оползающими досками, чьи перекошенные окна напоминают сонные глаза с отяжелевшими веками?

Может, и так. Если верить карте, он самый и есть. Уилмотт одолел сосущее чувство под ложечкой, выпрямился во весь свой внушительный рост — он был тощ, зато долговяз, — поднялся на крыльцо и постучал в дверь костяшками пальцев.

Дверь дрогнула. К ногам профессора посыпались чешуйки облупившейся краски. Затем снова воцарилась тишина.

Уилмотт выждал некоторое время, по его разумению, отвечающее соображениям вежливости, затем постучал ещё раз, посильнее.

И ещё раз.

Неужели...

Стоило ему снова поднять кулак, чтобы постучать в третий раз, дверь распахнулась с каким-то даже не скрипом, а пронзительно-яростным треском. Перед глазами Уилмотта оказалась мужская грудь в пожелтевшей рубашке под потёртой саржевой робой.

Пришлось поднять глаза выше — на гостя смотрело сердитое покрасневшее лицо с густой щетиной, явно несколько недель обходившееся без бритвы.

— Чё надо? — просипел хозяин.

Уилмотт снял шляпу — ради вежливости и ещё для того, чтобы дать себе лишнюю секунду собраться с мыслями.

— Добрый день. Вы Вудро Хеннеси?

— Кто спрашивает?

Мужчина тянул слова, и разобрать его речь оказалось делом нелегким. Как ни старался Уилмотт быть полюбознее, единственное, что ему пришло на ум: «Ну и деревенщина».

— Меня зовут профессор Уилмотт Поласки, я из Мискатоникского университета. Я...

— Ходят тут всякие университетские. Если вам проводника надо, идите отсюда, спрашивайте в Таунтоне, что ли. — Дверь начала закрываться.

— Нет, вы не понимаете. Я ищу пропавшего студента. Честера Хеннеси.

Дверь замерла на месте.

Уилмотт счёл, что от него ждут продолжения.

— Честер не выходил на связь уже несколько недель. Боюсь, что официальные поиски зашли в тупик. Я вспомнил, что он иногда упоминал вас, и подумал, что, возможно...

— Честера давненько не видно. Он и его семейка тутошнюю родню и знать не хотят.

Вот это была неправда, если верить Честеру.

— Мистер Хеннеси, может быть, если вы впустите меня на минутку, мы могли бы обсудить...

— Я ж сказал, не знаю. Уходите.

На Уилмотта накатило раздражение — не только оттого, что его обрывали и не давали договорить, но и оттого, как в целом себя вёл собеседник. Неужели ему не ясно, что произошло что-то серьёзное? Неужели он не переживает за родную кровь? Возможно, этот тип и правда просто его не понял — полуграмотная деревенщина, что с него взять.

— Мистер Хеннеси, по-видимому, я не совсем ясно выразил свою мысль. Честер...

Дверь открылась ещё раз, и, хотя Уилмотт, возможно, действительно выразился не слишком ясно, ответное послание — в виде двустволки, наставленной профессору прямо в побледневший лоб, — было вполне доходчивым.

— Убирайтесь!

В ужасе подняв руки — в одной всё ещё была сжата шляпа, — Уилмотт попятился от дробовика. Профессору повезло не споткнуться на шатких ступеньках, отступая с крыльца, и едва он успел сойти назад на дорогу, как дверь захлопнулась, скрыв из виду мистера Хеннеси и его оружие. Профессор едва уловил этот звук — в груди нещадно колотилось сердце.

Уилмотт испустил долгий страдальческий вздох.

— Что ж, — пробормотал он. — Определённо, могло бы сложиться и получше.

Инстинкты и здравый смысл побуждали Уилмотта Поласки уйти, вернуться в Таунтон, переночевать в гостинице и утром сесть на первый же поезд до Аркхэма. Он и так уже сделал больше, чем мог требовать любой долг профессора перед студентом.

Но проект...

Колебаться Уилмотта заставляло не только самолюбие. Он знал — и знал совершенно точно, как если бы прочитал это в одном из собственных учебников, — что Вудро Хеннеси лжёт.

Дело было не только в том, как этот человек себя вёл — впрочем, и это, даже в таком отрезанном от всего мира и неприветливом месте, выглядело достаточно подозрительно. Дело было в самом Честере. Как-то раз, когда речь зашла о его родственниках — а бывало такое очень нечасто, — Честер сказал прямо: он гораздо лучше ладит с той частью семьи, что победнее и попроще, чем с родителями.

Хотя «лучше ладить» вовсе и не обязательно означало «жить душа в душу», речь явно шла о более тесных отношениях, чем уверял Вудро.

Да, пусть он уже повернулся спиной к дому Хеннеси и шагнул прочь, пусть пришедшая в голову идея и противоречила здравому смыслу, Уилмотт Поласки уже принял решение.

* * *

Он ушёл недалеко, самое большее на милю: пусть Хеннеси думает, что незваный гость уже не вернётся, и пусть никто из местных — правда, Уилмотт никого и не видел — не свяжет незнакомца с этим домом.

Теперь он сидел на бревне — том, которое меньше других заросло плесенью, грибком и прочей болотной дрянью — и ждал.

Профессор понимал, что промедление не сулит ничего хорошего: в лучшем случае его ждёт небезопасная дорога назад к цивилизации под покровом ночи, в худшем — натуральное членовредительство. Он постарался отогнать эти мысли куда подальше: ответы совсем рядом, возможно, сейчас он спасёт не только своего лучшего студента, но и проект, достойный вписать его имя в учебники, которые Уилмотт так ценил.

Наступила ночь, один хор хокомокских птиц и насекомых стих, вместо него запел другой, и Уилмотт Поласки зашагал обратно к скособоченному дому.

Профессор приближался, морщась, когда выбранный путь заводил его в холодную воду — он промочил себе ноги почти до колен. Если Хеннеси откроет входную дверь или выглянет через занавешенные поникшие окна, он не заметит ничего страшного. К счастью, у самого дома уровень земли был хоть чуть-чуть выше, так что Уилмотту не пришлось долго оставаться в грязи.

Задняя часть строения обветшала ещё больше, чем передняя, древесина во многих местах размякла от влаги и сгнила изнутри. Профессору пришлось напоминать себе, что неказистый внешний вид вовсе не обязательно значит, что и обитатели дома такие уж лодыри: болото само разъедает дерево, обдирает краску, покрывает стены грязной патиной, сколько бы ни воевали с тленом хозяева. (Впрочем, нельзя сказать, что Уилмотту так уж хотелось видеть в мистере Хеннеси самое лучшее.)

Освещения было вполне достаточно, чтобы изучить дом: изнутри через плохо подогнанные ставни просачивался свет лампы, и яркая луна проглядывала из-за облаков, которые с приходом сумерек делались всё тоньше и прозрачней. Тут Уилмотт мог разобрать детали, которых он не заметил раньше, когда всё его внимание было занято входной дверью и человеком на пороге.

Особенно полуподвал под домом.

Его, видимо, выстроили в те времена, когда уровень воды в болоте был ниже нынешнего. большей частью он находился всё-таки над землёй, так что подвалом в полном смысле этого слова его назвать было нельзя, и выглядел чересчур большим и капитальным для просто обложенной камнем ямы под домом.

Выстроили ли его одновременно с домом или добавили позже, сказать было сложно: знаний по строительной части Уилмотту не доставало.

Он также не мог с уверенностью сказать, почему этот нижний уровень по ширине меньше собственно дома — не то подвал, не то какое-то техническое подполье, не то что-то среднее. Профессор заметил, что подобные конструкции были и в других домах, которые он миновал по дороге. Возможно, дело в неоднородности грунта на краях болота: тут земля достаточно твёрдая для строительства, а рядом — нет? Непонятно.

Одно он мог сказать точно: под провисшим полом, между деревянными сваями шли стены из неровных камней и густого раствора. Этот наполовину ушедший в землю полуподвал вполне мог быть тем самым местом, где мистер Хеннесси что-нибудь да прятал, и, если уж на то пошло, туда можно было и залезть через узкие оконца. Уилмотт пригнулся пониже, поёжился, когда в попытке сохранить равновесие ткнулся рукой в склизкую грязь, и скользнул под наружный край дома.

Он двинулся вперёд, переступая через лужи и ржавые инструменты, закусив губу, чтобы не вскрикнуть от отвращения — слишком уж тут много было паутины и насекомых; вот уже и ближайшее оконце...

— *Isslaach thkulkris, isslaach cheoshash... Vnoktu vshuru shelosht escruatha.*

Не понять, пять голосов там или пятьдесят; ясно только, что их несколько. Они вторили друг другу, отдавались эхом от кирпичных стен, просачивались наружу сквозь растрескавшееся дерево и природные звуки болота, и почему-то казалось, что это не просто чужой язык — или бессмысленная тарабарщина, — а нечто большее.